

ЕЛЕНА СТЯЖКИНА

ПЕРЕСКАЗЫ

**ХАРЬКОВ
«ФОЛІО»
2020**

НАВЕРНОЕ, В ЧЕСТЬ ВИНОГРАДА

Ее зовут Лидия. Наверное, в честь винограда. А его зовут Николай. И они оба не разрешают сокращать свои имена. Когда они гуляют, Лидия видит птиц, но не всегда знает, как их зовут. Лидия фотографирует, а потом гуглит. Некоторые птицы оказываются синицами, другие — сороками. Лидию удивляют лебеди. Они очень большие, они всегда очень большие. «Похожи на собак, да, Николай?» — «Вообще нет, — не соглашается он. — Вообще нет».

Когда они гуляют, Николай видит людей, которые пьют кофе. Латте, капучино, эспрессо. Большие и маленькие стаканчики. Крышки. Еще он видит людей, которые пьют чай. Но таких меньше. На три чашки кофе — одна чая. «Как ты думаешь, почему?» — спрашивает он. «Я не знаю», — говорит Лидия. «Жаль». Он сердится, потому что Лидия. Здесь точка. Потому что Лидия и все.

Николай сердится, потому что время любви еще не пришло, а Лидия пришла и с этим уже ничего нельзя сделать. И даже наоборот: теперь надо все менять и отменять. Николай хотел бы удерживать дистанцию, чтобы как будто да, но как будто и нет, чтобы успеть еще доучиться, чтобы посмотреть мир, посчитать латте и капучино где-нибудь в Берне, Амстердаме, сравнить количество чашек возле вокзалов, больниц, библиотек и парков, чтобы спать, не раздеваясь, не бриться, если не хочется... Но Лидия взяла его за руку и сказала: «Какой тут пароль вай-фая?»

Он сказал: «Эй, не трогай меня». «Эй» получилось хорошо: не обидно, но вроде ясно. Он сказал:

— Тут нет для всех. Тут у каждого свой.

— Тогда я без Интернета получаюсь, — вздохнула она. —

Тогда надо разговаривать, да?

Лидия знает, что он хотел сказать: «Пожалуйста, не со мной». У него это прописалось на лице. А она умеет читать его лицо. Как-то сразу научилась. К счастью, не все и не так уж точно. Николай уговаривает себя, что абсолютное попадание в его мысли — невозможно. Иначе она сразу бы испугалась, обиделась и ушла. Потому что вторым номером Николай подумал о позе, в которой он, они могли бы сделать *это*. Секс, конечно, не конструктор «Лего», но деталей явно не хватало. Не хватало... Об этом нужно было думать, но он не мог. Начинать программу проще было с «доучиться», «не бриться», «спать не раздеваясь». Посмотреть мир — самый большой вызов, на который было способно его «Ах так?!».

— Можно нескромный вопрос, — прошептала Лидия. Он не успел ничего ответить, как она уже шелестела над ухом: «А ты без трусов?»

— Без вай-фая, без разговоров и без трусов, да, — прошептал он.

Лидия сама не знает, почему она его поцеловала. Говорит, что ухо уже было рядом, что оно хорошо пахло и было похоже на воробья. А ей всегда хотелось поцеловать воробья. Лучше в живот. Животик. Она говорит это, сидя за столом, она говорит это его родителям, в рождественский, между прочим, вечер. И отец Николая из последних сил старается сохранить серьезность, вести себя как взрослый и мудрый человек, но, конечно, не выдерживает и начинает «орать». Этим словом Николай и все его друзья обозначают неудержимый, неприличный смех, в котором разрешается двигать лицом, телом, выпучивать глаза и даже похрюкивать. «Моя жизнь никогда не будет прежней, Ли-

дия. Никогда», — приговаривает отец. И мама... Мама тоже фыркает, наверное, думая, на что могло бы быть похоже ухо отца. Мама гладит отца по голове, и тот строго говорит ей: «Не смей! Забудь!»

— Вы думаете, что так делать нельзя? — спрашивает Лидия. — Ладно. Тогда я съем все ваше вкусное.

Лидия не огорчается. Она любит, когда люди смеются и любит поесть, но пока немного стесняется. Мама Николая как-то спросила у нее: «Что вам приготовить? Вы едите мясо?» Лидия замотала головой: «Нет», а потом попыталась «отмотать» обратно, потому что ее «нет» относилось не к мясу как к предмету, а к мясу как к месту темпорального присутствия. Лидия учится на антрополога. Но даже антропологи не умеют мотать головой обратно. Поэтому пришлось отматывать словами: «Не так, чтобы нет совсем. Просто не часто».

Когда Лидия ест, она не перестает удивляться. Согласно посланию апостола Павла к коринфянам, если что-то не перестает, то это — любовь. Хотя Лидия не уверена, что все на семинаре поняла правильно. Лидия не перестает удивляться соусу песто, звуку, с которым лебеди машут крыльями, своему имени, тому, что Николай умеет играть в шахматы, футбол и покер.

Николай хочет купить передвижную кофейню. Но не такую, которую к «точке» нужно везти на прицепе, а такую, что будет ездить сама. Кофейню-трейлер, в котором, в случае чего, даже можно было бы жить. Если не зима и если парковка трейлеров в зоне жизни будет разрешена. Ездить — в Берн, например, на конвенцию кофеен на колесах. «Или пусть они к нам ездят. Давай придумаем сами эту конвенцию, и пусть они ездят, если не страшно, — говорит Лидия. — И я буду их исследовать. Например, я узнаю, чем люди-латте отличаются от людей-капучино».

— И какова рабочая гипотеза? — спрашивает отец Николая.

— Люди-латте — могли бы жить сами, а люди-капучино — нет. Дело не в количестве кофе, а в глотках, которыми они добираются до горечи. Люди-латте добираются к ней медленнее. Кому не горько, тот может жить один, — говорит Лидия.

— Это спорно. И, скорее, наоборот, — говорит Николай.

Он не только говорит, но и делает. Три раза Николай сбегает от Лидии. Сбегает — это фигура речи. Три раза Николай исчезает. Не звонит, не отвечает в мессенджере, не выходит в сети. «Мы потом, — пишет ему Лидия, — никак не сможем объяснить своим детям, что такое мессенджер. Ты понимаешь? Он будет как пейджер или как телефон на проводе. Нам никто не поверит, что ты так глупо себя вел. Когда я представляю себе человека с телефоном на проводе, он кажется мне пыльным и древним, как питекантроп. Вот так и ты потом будешь выглядеть». Николай хочет спросить, а кто такой питекантроп, но для любопытства такого рода есть гугл. Кому горько, тот может жить один. Для всех других одиночество, как дождь: ничего страшного, но лучше пусть будет капюшон или зонтик. И вообще: Николай — человек-эспрессо. Если люди любят молоко, они могут пить молоко. «Лидия, отстань».

На самом деле все эти три раза он не хочет, чтобы Лидия отстала. При других обстоятельствах он бы выбрал ее сам. Он бы выбрал только ее, если точно. Потому что она смешная, потому что у нее темные волосы и темные глаза, и маленькие руки, и рот, живущий отдельной большой и наполненной жизнью. Но даже если волосы были бы белыми, а глаза голубыми, если руки были бы, как грабли, а рот — как шнурок... Да, она была бы страшной. Но все равно он бы ее выбрал.

Третий раз был самый долгий, потому что Лидия наконец обиделась и писала только раз в день. Она выбирала самые противные и равнодушные: «а» и «ы», две «к» и «т». И еще вопросительный знак. Николай писал магистерскую

работу и пытался восстановить свои футбольные скиллы. Писать было больнее, чем играть, потому что человек, желающий продавать кофе, не может понять, зачем ему гидрогеологические условия и характеристики качества питьевых подземных вод Знаменского месторождения Кировоградской области. Зачем он теперь инженер-геолог и куда нужно засунуть этот диплом, который больше не имеет ни к чему отношения. «Питьевые подземные воды — это фишка, кстати, — сказала бы ему Лидия. — Не каждый мальчик может делать напитки из подземной воды... А ты можешь». Но она не сказала.

Лидия всего этого не помнит. У Лидии всегда куча дел, которая помогает ей не помнить про плохое и глупое. Лидия ездила тогда в экспедицию — говорить с домами, в которых живут птицы. Некоторые птицы живут на птичьих правах — спят на чердаках, залетают под крыши погреться. А другие — как английская королевская семья — селятся в самом сердце дома, вместе с людьми. И их внутренняя жизнь почти никак не обозначается на внешнем контуре, если их, конечно, не выносят на балкон, погулять в клетке. Внутри живут попугаи и канарейки. Снаружи — голуби, воробьи (россыпью), иногда вороны и командировочные синицы. «А снегирей мы съели», — смеется Лидия. Ее задача — понять, почему птицы выбирают именно эти, а не другие дома, и так ли это было всегда. Всегда ли человек, дом и птица жили вместе и всегда ли знали, что живут вместе.

«Пусть она будет, — сказал отец Николаю. — Ты что-то не то делаешь... Знаешь... Вот». — «Тебя мама подослала?» — «Я и сам умный».

Они оба умные. Они все втроем умные. Мама Николая и мама Лидии. И отец Николая. Они все втроем умные, но очень по-разному. Лидия говорит, что, когда дети идут в школу, у родителей пропадают собственные имена. Николай не согласен. У его родителей собственные имена про-

пали гораздо позже, и, может быть, они еще не успели к этому привыкнуть. Когда мама Николая еще была Катериной, Катей, когда она летала из города в город, из страны в страну, чтобы стать лучшей по продажам бытовой химии и дочери ее — косметики, когда останавливалась на минутку посреди кухни, чтобы увидеть новый рост или услышать новый голос Николая, она всегда спрашивала, что он читает и как устроена его половая жизнь. Николай обижался, потому что не читал, но кому какое дело, и краснел, потому что... Потому что тоже — кому какое дело. Мама Катя складывала руки на груди, провозглашала спич о пользе презервативов, заканчивая его на высокой ноте: «Если девочка забеременеет, ты должен будешь на ней жениться!» — «Это очень странный способ жениться», — фыркнул Николай. «Но девушки так делают». — «Я запомню». А папа Николая был Олегом. Он не говорил о пользе презервативов, он говорил только о фурах, простоях, дизельном топливе, предоплате, дорогах и партнерах, часть из которых была его друзьями.

А теперь они оба говорили о Лидии и о нем. И мама больше не спрашивала, как устроена его половая жизнь.

«Я тебя люблю и буду», — написал Николай после трех недель унылого и безответного «кактывания» Лидии. И не отправил. Потом еще написал и не отправил. И еще, и еще. И потом еще. А потом поехал во Львов, потому что во Львове, согласно гипотезе, птицы и люди очень давно живут вместе. Именно во Львове было правильно сказать Лидии, что она — дятел и пора сменить пластинку. Что пора научиться писать что-то другое. Лидия фотографировала дома и записывала птиц на телефон. Лидия не побежала к нему навстречу, чтобы он — тоже не бежал, а просто шел, шел так, как ему удобно.

И да, он был без трусов. Там, в палате, без вай-фая и разговоров, он был без трусов. Для секса не хватало половины ноги, хотя колено было. Теперь Николай понимает,

что свой сустав — это большое везение. Но он все еще закрывает глаза, чтобы не видеть себя в зеркале. Николай начинает день словами: «Массачусетс, ко мне!» Массачусетс — это кличка. Имя собственное для протеза. Когда этот придется заменить на следующий, то расставаться уже будет жалко. Лидия предлагает оставлять для Массачусетса на ночь какую-нибудь еду. Лидия думает, что Массачусетс любит семечки. Ей, Лидии, все хорошее и полезное похоже на птиц. А у Николая — на один страшный сон, на один кошмар больше. Он кричит и просыпается в поту, если видит фронт, войну и если видит во сне, как в тот самый первый день Лидия подходит к кровати кого-то другого. Война снится чаще. Он пока не может об этом говорить. Ему хочется быть сильным, красивым и целым. Но, если бы пришлось выбирать снова, он снова сделал бы все так, как сделал. И Лидию.

«Не лезь ты со своими гипотезами, — говорит мама Николая. — Они получились намного умнее, чем мы... Не лезь». — «Вот... — отвечает отец Николая. — Ну вот...»

«Маааааа, — тянет Николай. — Ну только давай это... Шампунь без слез. Ладно?»

Лидия тянется к тарелке с яблоками, берет одно, разглядывает, подносит ко рту, который продолжает жить своей полной, слегка измазанной, но интенсивной жизнью, но останавливается и не надкусывает. Она поворачивает голову к Николаю и спрашивает: «Хочешь?»

* * *

Дмитрий (у нас без отчества) раздумывает, что лучше купить — колбасу или мясо. Мясо нужно готовить. И тогда — масло, специи, соус. И тогда картошку или макароны. Любит ли Кот макароны? А сам Дима? Что бы хотел съесть с Котом?

Кот — противный старик. Через двадцать лет Дмитрий тоже будет противный старик. А пока он помогает в

СОДЕРЖАНИЕ

Наверное, в честь винограда	3
Божьи одуванчики	48
Двойняшки	116
Вера	132
Отвращение	162
Одеяло	225
Мать любила стирать на улице	
К прошлому	251
К настоящему прошлому	280
К будущему настоящему	321
Пересказы	
Жена писателя	352
Фантазии бывшего инженера, а ныне фермера, предъявленные как аргумент в пользу того, что иногда бывает важно не только, кем ты стал, но и кем не стал	355
И все засмеялись	359
Король музыкальных инструментов	363
Памятник Шопену	367
Олень (<i>Святочный рассказ</i>)	370